

**ЗАБЫТЫЕ ТЕКСТЫ
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА**

ВЫПУСК II

ЛИТЕРАТОРЫ — АДРЕСАТЫ ПУШКИНСКИХ ЭПИГРАММ

Виктор Владимирович Меркушев
Забытые тексты,
забытые имена. Выпуск
2. Литераторы – адресаты
пушкинских эпиграмм

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23284720

*Забытые тексты, забытые имена. Выпуск 2. Литераторы –
адресаты пушкинских эпиграмм: Знакъ; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-91638-124-5*

Аннотация

Поэзия и проза этих литераторов практически забыта, равно как и они сами. Кто-то из них вполне честно заслужил забвение, а с кем-то судьба обошлась жестоко и несправедливо. Однако их имена, скорее всего, останутся в истории русской литературы навечно. По крайней мере, в эпиграммах Пушкина им обеспечена долгая и интересная жизнь.

Содержание

«...Сатирой безымянной лик зоила я пятнал...»	5
Шишков, Шихматов, Шаховской...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Забывтые тексты,
забывтые имена. Выпуск
2. Литераторы – адресаты
пушкинских эпиграмм**

© Меркушев В. В., составление, статьи, 2017

© «Знак», макет, 2017

* * *

«...Сатирой безымянной лик зоила я пятнал...»

«Согласен, что жизнь моя сбивается на эпиграмму, но вообще она была элегией...» – писал Александр Сергеевич Пушкин в одном из своих писем. Пожалуй, эпиграмма в творчестве поэта имела не меньшее значение, нежели элегия, иначе он не упомянул бы их в одном ряду, что само по себе уже говорит о многом. Хорошо известно, что поэта окружали не только друзья, но и ненавидящие его. Врагов, противников, злопыхателей, а более всего просто недоброжелательно настроенных вокруг Пушкина собиралось немало. Объяснить неприязнь к поэту одним только его непростым характером здесь вряд ли возможно, необходимо также иметь в виду и множество иных обстоятельств, связанных более всего с общественным положением Пушкина, нежели с особенностями его поведения и упрямой привычкой ничего не прощать.

А. С. Пушкин. Эта гравюра Н. И. Уткина, выполненная в 1827 году, предворяла первое посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина. Ранее она была использована для фронтисписа альманаха Дельвига «Северные цветы»

Не будем глубоко вникать в личностные проблемы вели-

кого поэта, ведь всё-таки говоря о нём, мы в первую очередь думаем о Пушкине-поэте, Пушкине-литераторе, о Пушкине – создателе современного русского языка. Для него любой из существующих литературных жанров не был чужим. Он чувствовал себя одинаково свободно как при написании повестей и поэм, так и при создании небольших по объёму поэтических миниатюр. При этом сами литературные формы и подходы к ним с начала девятнадцатого века претерпевали значительные изменения, и во многом такое происходило благодаря Пушкину.

В восемнадцатом веке стараниями Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова эпиграмма становится заметным литературным жанром, но подлинного расцвета она достигает всё-таки при Пушкине, приобретая все признаки популярного явления, можно даже сказать, явления модного. Этому способствует не только искромётный талант и живой ум Александра Сергеевича, но и развитие альбомной культуры в дворянской среде, ставшей в первой трети девятнадцатого века аналогом современного самиздата. Нельзя также отрицать благотворного воздействия той образованной среды, в которой поэт был восторженно принят, которой был востребован и понят как живой классик отечественной литературы. Но не следует забывать слов Александра Блока о причинах гибели Пушкина, утверждавшего, что поэт «задохнулся от недостатка воздуха». Ведь рядом с Пушкиным были не только друзья: Жуковский, Вяземский, Карамзин или Нащо-

кин, поэта во множестве своём окружали чуждые ему люди, такие как Уваров, Стурдза, Ланов, Каченовский... В итоге Пушкин оказался обязанным им своею гибелью, а они ему – посмертной славой как герои его эпиграмм. Если б не Пушкин, то кто бы о них ещё когда-нибудь вспомнил!

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Несмотря на то, что Пушкин определил элегию как основной мотив своего творчества, он оставил нам огромное наследие из метких, остроумных эпиграмм и любопытных сатирических стихотворений. В них Пушкин обличал не только отдельных персонажей той, уже далёкой от нас, эпохи, но и красочно свидетельствовал о ней, выказывая присущие времени социальные пороки и бытующую тогда ханжескую мораль. Нам хорошо известна исключительная отзывчивость Александра Сергеевича на любое обращённое к нему доброе слово, об этом много написано и исследователями его творчества, и современниками. Но хорошо известно и иное. Современники неоднократно указывали на его злую память,

всегда готовую «мечом сатиры» отомстить обидчику. Его «невероятная чувствительность» и нежелание оставлять без ответа всякий выпад по отношению к себе, способствовали созданию ярких вербальных карикатур, которые до сих пор сохраняют в себе убедительность и жизненную силу. Косность, глупость, невежество, спесь и самолюбование необычайно раздражали великого поэта. Вот что записал в своём дневнике один из его современников, князь Пётр Долгоруков: «Охота взяла Смирнова спорить с ним (с Пушкиным), и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники – подлецы и воры, генералы – скоты большею частью... На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». Петра Долгорукова долгое время считали автором порочащего поэта пасквиля, но приведённая дневниковая запись вряд ли содержит неправду: слишком легко поверить словам князя, хорошо зная стихи Пушкина и факты его биографии.

Нетерпимость к низменной сути своих не-симпатизантов и беспощадность пушкинской иронии сделали из эпиграммы не только мощное оружие против тех, кого не достигал меч закона, но и выводили эпиграмму в ведущие жанры русской литературы.

Отметим, что же нового привнёс с собой Пушкин в этот жанр, если сравнивать его произведения с подобными опу-

сами у предшественников: Хераскова, Капниста, Державина или упомянутых уже Тредиаковского и Ломоносова.

В первую очередь, это композиционная новизна его коротких сатирических текстов. Это и меткие неологизмы, ясно читаемые, эмоционально и психологически окрашенные. Это и шутливая каламбурность, строго подвёрстанная под современный поэту литературный и исторический контекст. Всегда бывает интересно, каким образом поэт решает проблему преодоления дистанции времени, исключения всего случайного, минутного, и каким художественным приёмом определяет, где начинается главное, закономерное, без чего не может состояться ни одна литературная форма. Пушкина выгодно отличает умение дать предельно краткую и выразительную характеристику своего героя, в двух-трёх словах отобразить пошлость, глупость или душевную пустоту персонажа, создавая при этом такой эмоциональный настрой, который неизбежно склоняет читателя к сопереживанию поэту. Подкупает и доверительная непосредственность пушкинского высказывания, рождая в воображении личные, субъективные ассоциации, окрашенные опытом собственных впечатлений. Его эпиграммы обладают способностью долгое время держаться в памяти, когда образы, проникая в сознание и дополняясь подробностями личного характера, обретают иллюзорность и оттеняются такими смыслами, которые делают из читателя заинтересованного соучастника происходящих с поэтом событий. Пушкину невозможно

не сочувствовать, нельзя не признавать его художественной и нравственной правоты. На фоне комичности и нелепости пушкинских протагонистов, особенно выделяется интеллектуальное превосходство поэта и изощрённость его ума.

Недаром Император Николай Первый после встречи с Пушкиным заявлял, что он беседовал с самым умным человеком в России.

Нередко в эпиграмме Пушкин использует смысловой сдвиг, сочетание несочетаемого, создаёт трагикомическую сюжетную историю, в которую веришь тем более охотно, чем меньше она соотносится со здравым смыслом. Грубости и вульгаризмы также можно считать его излюбленным художественным приёмом: никогда не культивируя непристойности, они возникают в его тексте совершенно сознательно и к месту, не вызывая той реакции отторжения, которую создают такие выражения в обычной разговорной речи.

Свойства слов в пушкинских эпиграммах проявляются наиболее полно. Сочетаясь друг с другом в продуманные предложения, слова в них приобретают дополнительные значения. Ни в одном из его насмешливых текстов невозможно найти не только ни одного лишнего определения, обозначения действия или существительного, там нельзя обнаружить ни одного лишнего звука, ни одного необязательного знака препинания, настолько тщательно выверен ритмический и смысловой рисунок представленного текста. В этом смысле его эпиграмматическое творчество выступает в качестве

своеобразной квинтэссенции поэзии. Ссылаясь на пушкинские сатирические шедевры, можно смело спорить с классификацией поэзии и прозы Буало, в которой великий француз отводит эпиграмме самое последнее место среди всех известных нам литературных жанров.

В.М.

Шишков, Шихматов, Шаховской...

Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой? –
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Современником Пушкина, Некрасова и Фета был поэт и издатель Фёдор Богданович Миллер. Сейчас, пожалуй, никто не вспомнит эту фамилию, но любой процитирует бессмертную строчку из его нетленки: «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять...»

А. С. Шишков. Гравюра И. Пожалостина с оригинала И. Боровиковского

Шихматову, Шаховскому и Шишкову повезло куда меньше. Можно смело утверждать, что никто не вспомнит ни слова из трудов перечисленных авторов. Если бы не Пушкин и его эпиграмма, то не видать бы тебе, читатель, даже этих немудрёных строк, напоминающих о Шишкове, Шихматове и Шаховском, никто бы так и не озадачился вопросом относительно злости, угрюмости или иных качеств упомянутой супостатной тройки. Не будь Александра Сергеевича, не нашлось бы места под солнцем и для литературных творений Ших-матова, Шишкова и Шаховского. Но благодаря Пушкину, «солнцу русской поэзии», такое место «под солнцем» для них нашлось, и притом далеко не самое неосвещённое.

Пожалуй, Пушкин имел больше причин думать о Шишкове, нежели Шишков о Пушкине, который относился к Александру Сергеевичу спокойно, признавая за последним лишь «особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность». Конечно, имеется в виду не Александр Ардалионович, поэт-романтик, обожавший Пушкина и подражавший ему, а дядя Александра Ардалионовича – тот самый супостатный Шишков, что вместе с Державиным основал фундаментальный кружок «Беседа любителей русского слова». Пушкин внимательно следил за Александром Семёновичем, никогда не забывая отметить письменно или всуе деяния отставного бравого адмирала. Считается даже, что в восьмой главе «Онегина» за тремя звёздочками сокрыто имя Шишкова.

...Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (***, прости:
Не знаю, как перевести.)

Отчего ж придиричливое воображение поэта с таким неизменным постоянством будоражил наш Александр Семёнович Шишков?

А Александр Семёнович, и в самом деле, был человеком далеко не ординарным. Доблестный морской офицер и пламенный патриот, Шишков верно служил царю и Отечеству, служил бескорыстно, все свои силы отдавая этому служению. Какие бы должности он ни занимал, а судьбою ему были уготованы очень высокие государственные посты, везде Александр Семёнович держался с людьми просто, без заносчивости и самодовольства, заслуженно сыскав себе славу правдолюбца и нестяжателя.

Приведём для любознательного читателя хотя бы часть из его послужного списка, дабы почувствовать масштаб этой весьма незаурядной фигуры. Вот некоторые вехи его карьеры: флаг-офицер командующего флотом, эскадр-майор Его Величества, капитан-командор, контр-адмирал, вице-адмирал, директор Адмиралтейского департамента морского министерства, полный адмирал, руководитель Государственной канцелярии, Министр народного просвещения, Президент Российской Академии...

Да, Шишков переживал и периоды опалы, однако его от-

даление от Двора не означало его отстранения от должностей, высшая власть уважала в Александре Семёновиче верного государственника, ценила его ревностное стремление послужить России в любом качестве и на любом посту.

Надо сказать, что Александр Шишков жил исключительно на своё жалование. Павел Первый, любивший Шишкова, подарил ему около трёхсот душ крепостных, для которых такая передача стала настоящим манифестом вольности, ибо Шишков, сам будучи стеснённым в средствах, не брал с них ни копейки. Спустя более десяти лет сами крестьяне приехали в Петербург просить своего барина назначить им хоть какой-нибудь оброк, чтобы не смущать крестьян-соседей и не гневить помещиков-крепостников, недовольных таким поведением Александра Семёновича.

Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил;
И раб судьбу благословил...

Это всё о нём, о супостате Шишкове...

Логично спросить, тогда в чём же, собственно, являл себя супостатом наш достойнейший Александр Семёнович, так любивший ягоды и фрукты, обожавший птиц и панически боявшийся лошадей...

А дело в том, что Александр Семёнович был ужасный ретроград. Причём ретроград активный, публично отстаивающий свою исключительную позицию. Большого антизапад-

ника и славянофила и представить себе было невозможно. Заметим, что слово «славянофил» было запущено в оборот во времена Шишкова, и все современные ему и последующие за ним славянофилы почитали Александра Семёновича за одного из «отцов-основателей» почвеннического направления.

На ниве антизападничества Шишков трудился тяжело и много. Зимой он просыпался в семь утра, летом в шесть и сразу же включался в работу. Помимо своей государственной службы, а её он соблюдал исправно, литературным трудам он посвящал порядка восьми часов в день. Те, кто имел возможность видеть его рабочий кабинет, утверждали, что кипы исписанных им бумаг невозможно было бы вывести на одном возу – столь продуктивен и неутомим был их автор.

В этой бумажной вселенной одно из центральных и почётных мест занимала внушительная подборка малоизвестных и вышедших из употребления слов, которым Александр Семёнович придавал особенное значение, пытаясь вновь ввести их в речевой оборот, особенно там, где возникали заимствования из русифицированных галлицизмов.

Сергей Аксаков вспоминал, с каким воодушевлением и душевным волнением Шишков читал стихи с архаической лексикой или со словами из церковного обихода. «Какое великолепие! Какая красота! Какое знание языка славянского, то есть русского! Вот что значит, когда стихотворец начитался книг священного писания!» – мог воскликнуть Александр

Семёнович.

В кругу молодёжи, к которой в то время относился Аксаков, общение с Шишковым на тему русского языка и назначения литературы считалось делом утомительным и даже невыносимым, выдержать которое было под силу немногим. Когда такое общение затягивалось или Александра Семёновича ожидали важные государственные дела, его жена Дарья Алексеевна бесцеремонно прекращала вдохновенного оратора: «Этому чтению и конца не будет. Фёдор! подавай одеваться Александру Семёнычу...»

Как-то раз с Александром Семёновичем на почве антизападничества приключилась совсем некрасивая история, подвигнувшая Пушкина к написанию стихотворения «Возрождение».

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок незаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой...

Принято считать, что это стихотворение написано по случаю реставрации картины Рафаэля и оттого есть опреде-

лённые сомнения в его точной датировке. Однако Пушкин очень хорошо знал, что произошло с альбомом Тур-суковой, и был немало озадачен случившимся событием.

Рисовальный альбом Марии Ардалионов-ны Турсуковой содержал в себе множество рисунков и живописных листов. Среди авторов альбома помимо рисунков дилетантов, с обычным в то время высоким уровнем художественной образованности, встречались работы больших мастеров, таких как Кипренский, Кольман, Корнеев... Этот рисовальный альбом был известен по всей Европе и, безусловно, представлял собой большую художественную ценность. Только все фамилии художников были написаны там по-французски. Непатриотизм рисовальщиков сильно не понравился Александру Семёновичу. Он вымарал все фамилии, написанные на иностранный манер, и своим крупным, аляповатым почерком нацарапал надписи по-русски. По сути это был акт вандализма. Потребовались сверхусилия всех заинтересованных сторон, чтобы привести альбом в первоначальный вид. Его отправили в Париж, где все варварские надписи вывели тамошние химики. В альбоме остался нетронутым лишь лист со стишком Александра Семёновича, который он написал в оправдание своего поступка.

Впрочем, эпиграммы и сатирические стихи на Шишкова писали и другие литераторы, в этом отношении Пушкин был далеко не одинок. Была широко известна пародия стихотворения Жуковского «Певец в стане русских воинов», на-

писанная Константином Батюшковым. Можно даже сказать больше: любой, кто остро высказывался по поводу Александра Семёновича Шишкова, имел в свете непереносимый успех. Партия славянофилов в пушкинские времена пребывала в явном меньшинстве.

Думается, что Пушкин язвил по поводу Шишкова не только по причине «модного» противостояния с приверженцами архаики. Он, безусловно, причислял себя к сторонникам Карамзина, выступавшим за языковое и общественное обновление, и идея общественного разворота к «Домострою» была ему чужда и антипатична. Но в чём-то ему был симпатичен Александр Семёнович. Ведь он сделал на посту Государственного секретаря во время наполеоновского нашествия очень и очень много. Вся идеологическая кампания против врага держалась на нём, на Александре Семёновиче Шишкове. Скорее всего, за это и любил Пушкин Шишкова, как было написано в Высочайшем рескрипте на пожалованный Шишкову орден Александра Невского – «за примерную любовь к Отечеству». Недаром же Александр Сергеевич написал впоследствии о нём:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.